

УДК: 009+304.2+304.4:316.42.

Становление нового образа социального пространства-времени в современном дискурсе глобализации

И. В. Олейник, аспирант*

В статье рассматриваются некоторые направления трансформации пространственно-временного континуума глобализирующейся социальной реальности. Выделяются три вектора трансформации: изменение свойств пространства и времени под воздействием процессов информатизации и глобализации; актуализация исследований социального пространства и социального времени в философском и социологическом дискурсе; исследование динамики форм социального времени. В статье анализируется влияние глобализации на базовые свойства социального пространства и времени. Отмечается возникновение кибернетического пространства как виртуальной проекции физического пространства, а также «текучей» темпоральности, под влиянием которой восприятие линейного необратимого времени дробится на множество временных потоков. Новый образ социального пространства-времени сущностно связан с такими его трансформациями, как релятивизация, компрессия, дистанциация, имплозия.

Ключевые слова: глобализация, пространственно-временная конфигурация, образ социального пространства-времени, имплозия, компрессия, «глобальная деревня», сетевое общество, социальное пространство, социальное время.

Formation of a New Image of Social Space-Time in the Contemporary Discourse of Globalization

I. V. Oleynik, Postgraduate Student

This article discusses some of the directions of transformation of space-time continuum of globalized social reality. There are three vectors of transformation: changes in the properties of space and time under the influence of processes of globalization and informatization; updated study of social space and social time in the philosophical and sociological discourse; study of the dynamics of the forms of social time. The article analyzes the impact of globalization on the basic properties of social space and time. The author notes the emergence of cyberspace as a virtual projection of the physical space and «fluid» temporality, which influenced on the perception of linear irreversible time and splits it into a plurality of streams. The new image of social space-time is essentially associated with such its transformations as the relativization, compression, distanciation, implosion.

Key words: globalization, space-time configuration, image of social space-time, implosion, compression, «global village», the network society, social space, social time.

Одной из наиболее значимых сторон трансформации глобализирующейся социальной реальности является изменение ее пространственно-временной конфигурации. Обширный объем литературы, посвященный феномену глобализации, позволяет проанализировать концепцию пространственно-временных изменений, несмотря на то что последняя подчинена дискурсу глобализации и не носит сколько-нибудь самостоятельного характера. Однако именно через призму анализа архитектоники пространства-времени обнаруживаются наиболее значимые и весомые с точки зрения методологии социально-философского познания возможности

для исследования процессов трансформации социальной реальности в эпоху глобализации. Так, первое, на что следует обратить внимание при анализе обозначенной проблемы, это ее концептуальный статус. Многие западноевропейские исследователи так или иначе обращались к анализу проблемы пространственно-временного измерения глобализации и использовали для ее концептуализации понятия «имплозии», «пространственно-временной дистанциации» и «пространственно-временной компрессии», «социального пространства», «социального времени». Следует отметить, что объективный процесс глобализации самым тесным об-

* Аспирант кафедры философии и методологии науки ФФСН БГУ. Научный руководитель — доктор философских наук профессор А. И. Зеленков.

разом связан с изменением свойств пространства, которое нашло отражение в широко используемой и актуальной в дискурсе глобалистики дихотомии «глобальное / локальное». В этом смысле весьма справедливым выглядит утверждение, что «дискурс глобализации может рассматриваться как “опространствование” теории социальных изменений» [1, с. 6], что естественно изменяет и темпоральность современных обществ. Это означает, что новый тип социальной реальности, который формируется в эпоху глобализации, образует особое измерение «пространства-времени», в котором время и пространство как сущностные свойства материального мира обнаруживают свою связь, неразрывность, однако они обнаруживают ее в совершенно новом, неклассическом понимании: время становится своеобразным капиталом, ресурсом для преодоления пространства, которое, в свою очередь, теряет свою власть, поскольку больше не является непреодолимой преградой. Однако единой концептуальной матрицы для анализа проблемы пространственно-временной конфигурации социальной реальности не существует. Условно можно выделить несколько векторов исследования феномена пространственно-временной трансформации социальной реальности в современную эпоху.

Первый вектор связан с разработкой концепции информационного общества и общим дискурсом глобализации. *Второй вектор* в значительной мере коррелирует с методологическим анализом и концептуализацией проблемы социального пространства и социального времени в современной философии и социологии. *Третий вектор* конституирует исследования динамики форм социального времени, которые диктуют определенный «образ эпохи» и связаны с изменением свойств социального пространства-времени.

В рамках концепции информационного общества и дискурса глобализации проблема пространственно-временной конфигурации социальной реальности получила максимально предметное оформление, что связано в первую очередь с обширной эмпирической базой и достаточно репрезентативной содержательной компонентой данной сферы исследования. Проблема пространственно-временной организации бытия всегда являлась одной из наиболее значимых и фундаментальных как для классической, так и постклассической философии. Однако на рубеже тысячелетий вопросы о сущности пространства и времени, их трансформации в эпоху транзитивных обществ, актуализации представлений о социальных модусах пространства и времени приобрели особую актуальность. Это связано со следующими факторами: формированием глобальной информационной цивилизации,

в основе которой лежит процесс интенсификации транзакций и стремление преодоления ограничений, накладываемых физическими пространством и временем [1; 2]; универсализацией социального хронотопа, который теряет значимые локально-национальные характеристики и образует некое «клише» жизненного мира, лишённого географических и темпоральных детерминант [3]; развитием представлений о едином пространственно-временном континууме и реляционной природе пространства и времени; дифференциацией социального пространства-времени, что проявляется в довольно явной поляризации условий жизни людей, а также в смене целостной линейной логики времени на пространство множественных временных потоков [1]; одновременными процессами пространственно-временной конвергенции и дистанциации [4].

Осознание изменений пространственно-временных характеристик социальной реальности было связано с формированием нового состояния мировой цивилизации, которое У. Бек обозначил как состояние «глобальности». В первую очередь оно характеризуется отсутствием замкнутых пространств и общностью любых социальных отношений, которые уже не могут являться процессами национально-государственного масштаба, поскольку они неизбежно становятся достоянием мирового сообщества. К числу наиболее очевидных последствий подобного состояния глобальности У. Бек причисляет: транснациональные формы производства и конкуренцию на рынке труда, глобальную отчетность в средствах информации и транснациональный покупательский бойкот, транснациональные формы жизни, воспринимаемые как «глобальные» кризисы и войны, использование атома в военных и мирных целях, разрушение природы [2, с. 26]. Это множество объективных процессов, составляющих сущность глобализации, изменяет условия человеческого существования и актуализирует вопрос о том, «что значит человеческая жизнь в западне, в которую превратился мир» [2, с. 27]. Отныне ни одно событие не является в пространственном отношении локальным, поскольку информационные технологии стирают границы между «близким» и «далеким», образуя тем самым своеобразную сеть мест, событий, институтов, организаций, сообществ. Это значит, что процесс глобализации «заклучается сегодня (и, возможно, будет заключаться в будущем) в устанавливаемых эмпирическим путем расширении, плотности и стабильности взаимодействующих регионально-глобальных сетей связи и их массмедиальной самоидентификации, а также социальных пространств и их телевизионных потоков на культурном, политическом, хозяйственном, военном

и экономическом уровнях» [2, с. 28]. Очевидно, что таким образом понимаемая глобализация связана с процессами денационализации и распространением транснациональных форм жизни, а это, в свою очередь, ведет к аннулированию расстояний и реорганизации пространственной матрицы мировой цивилизации [5]. «Глобальная деревня» Маклюэна символично отражает суть этой новой матрицы: новые характеристики пространственной организации социальной реальности ведут к расширению процессов коммуникации и увеличению скорости транзакций за счет того, что пространство теряет свой «репрессивный» статус и легко преодолевается новыми скоростями, обеспеченными развитием коммуникативных технологий. В этой новой социальной реальности глобальной деревни на смену очевидному и естественному ранее линейному структурированию жизни, времени, логики событий приходит логика импозитивного сжатия: процессы, которые ранее требовали больших затрат времени и преодоления пространства, отныне постигаются в акте мгновенного целостного видения за счет технической возможности мгновенно передавать информацию и так же мгновенно на нее реагировать. Фактически импозитив как мгновенное сжатие пространственно-временного континуума создает ситуацию близости всех акторов социальной реальности в условиях их пространственно-временной разобщенности. В мире, управляемом скоростью электричества, все происходит одновременно, время транзакций сжимается, логика организации пространства по принципу «центр — периферия» нивелируется, поскольку электронные технологии уравнивают города и провинции, одинаково включая их в общее информационное поле. В этом смысле «электричество не централизует; оно децентрализует» [3, с. 22]. Электрические технологии изменяют формат жизни общества, поскольку мгновенность электрического движения информации втягивает человеческий род в сплоченное состояние деревенской жизни: «навязывая не визуализируемые взаимосвязи, являющиеся результатом мгновенной скорости, электрическая технология сбрасывает с трона визуальное чувство и возвращает нас в царство синестезии и тесного взаимопроникновения других чувств» [3, с. 58]. Действительно, состояние имманентной вовлеченности людей в общее информационное пространство объединяет их перед лицом децентрированного и безликого «онлайн». Однако гомогенность и синкретичность такой общности существуют лишь на уровне умозрительной проекции всех связей и транзакций, которые осуществляются за счет коммуникационных технологий, основанных на мгновенной скорости электрической передачи информации и того един-

ства, своеобразного электронного «облака», которое они образуют.

Социологический анализ современной социальной реальности показывает, что на уровне эмпирии мир, объединенный электричеством и компьютерными технологиями, — это мир с модифицированным субъективным восприятием пространства и времени [6], а также с объективной трансформацией его свойств. В этом смысле общество эпохи глобализации является «глобальной деревней» Маклюэна, но в отношении последствий подобного единства человечества для конкретного человека оно не является гомогенным. Например, З. Бауман, анализируя эти последствия, отмечает, что вследствие содержательной и функциональной мутации пространства и времени происходит резкое разграничение и поляризация многих социальных процессов: оборотной стороной процесса глобализации становится процесс локализации, а в «совокупности эти два тесно взаимосвязанных процесса приводят к резкой дифференциации условий существования населения целых стран, регионов и различных сегментов этого населения» [4, с. 11]. При этом главной ценностью и фактором, вызывающим это социальное расслоение, становится мобильность или свобода передвижения. Именно эта ценность характеризует позднесовременную или постсовременную, как ее называет Бауман, эпоху. При этом «локальность» интерпретируется здесь как ценность с отрицательным знаком: как признак «социальной обездоленности и деградации». Мобильность постепенно становится своеобразным средством приспособления к новым условиям жизни и выживания в эпоху глобализации. «Мобильность, приобретенная “теми, кто инвестирует” — людьми, обладающими капиталом, деньгами, необходимыми для инвестиций, — означает для них поистине беспрецедентное в своей радикальной безоговорочности отделение власти от обязательств: обязанностей в отношении собственных служащих, но также и в отношении молодых и слабых, еще не рожденных поколений, и самовоспроизводства условий жизни для всех — одним словом, свободу от обязанности участвовать в повседневной жизни и развитии сообщества» [4, с. 10—11]. В результате происходит децентрализация власти при сохранении локального характера конкретных условий жизни «на местах», что приводит к ситуации парадокса глобальных выгод и локальных издержек. Такая глобализация власти нивелирует локальную ответственность, и происходит это во многом благодаря «укрошению» пространства — ситуации, в которой протяженность зависит от скорости преодоления расстояния и от скорости, с которой происходит передача информации. «Плотное» про-

странство, обладающее непререкаемым физическим «авторитетом», кануло в прошлое, поскольку глобализованный мир оперирует своеобразной проекцией географического пространства на мир цифровых данных — кибернетическим пространством, в котором понятия «здесь», «там», «далеко», «близко» теряют свой прежний смысл. Кибернетическое пространство обнаруживает связь с новой темпоральностью: расстояние — это количество времени, потраченное на его преодоление. Однако границы, исчезающие на глобальном уровне, множатся на локальном уровне, оказывая всевозможные социальные и психологические воздействия на разные категории людей. Это означает, что «аннулирование пространственно-временных расстояний под влиянием техники не способствует единообразию условий жизни человека, а, напротив, ведет к их резкой поляризации» [4, с. 15].

Именно степень мобильности в этих новых условиях определяет статус человека, образуя два измерения: мир глобальной мобильности, в котором легко преодолевается как реальное физическое пространство, так и виртуальная его проекция, и мир «прикрепленных к земле», в котором отсутствует свобода передвижения, поскольку реальное пространство стремительно сжимается. «Свободных» общественных мест в таком мире становится все меньше, и в то же время любые издержки и последствия процессов унификации остаются проблемой людей, проживающих в нем. В данном контексте Бауман указывает на скрытую сущность процесса глобализации, а именно на образование «нового мирового беспорядка», который незримо организуют «анонимные силы» и характеризуется отсутствием центра управления, диффузного характера власти. «Рекламируя» впечатляющие последствия глобализации, мировые СМИ создают в сознании людей образ развитого высокотехнологичного общества больших возможностей и минимальных рисков. Однако этот образ является реальностью лишь для небольшой части населения, в то время как остальные оказываются в парадоксальной ситуации: успех и возможности, яркие образы космополитичного образа жизни лишь увеличивают ощущение собственной обездоленности и осознание низкого уровня жизни. Подобная поляризация условий жизни людей происходит вследствие изменения пространственно-временных характеристик социального бытия под воздействием технологического прогресса и информатизации. В этом смысле пространство и время становятся социальными феноменами, своеобразными функциями, фиксирующими отношение между субъектом социальной реальности, его статусом, ресурсами и материальным миром. Автономные понятия «пространство»

и «время» утрачивают свой метафизический пафос. Время, которое ранее репрессивно «навязывало» субъектам необходимость проживать себя, наполняя социально значимым содержанием, отныне является ресурсом, который может приносить ренту своему владельцу и который открывает перед ним весь мир. Пространство становится переменной «безвременной вселенной», которая стремится стереть все видимые границы. Подобная трансформация пространственно-временной организации социальной реальности сущностно скоррелирована с логикой развития и скоростями трансакций современных информационных систем [7]. Это приводит к тому, что человекоразмерные системы все более очевидно подчиняются этой логике, вытесняя из пространства жизненного мира естественные для человека скорости коммуникации, формы организации, циклы и ритмы биологической и социальной жизни.

М. Кастельс, исследуя, каким образом информационная глобальная экономика повлияла на пространственно-временную конфигурацию социальной реальности, отмечает оформление и развитие новой пространственной логики, которая коренится в «текущей трансформации материальной основы нашего опыта» [8, с. 356]. Отличие доинформационной организации пространства от информационной заключается, согласно М. Кастельсу, в смене логики мест на логику процессов или потоков. При этом под потоками Кастельс понимает «целенаправленные, повторяющиеся, программируемые последовательности обменов и взаимодействий между физически разъединенными позициями, которые занимают социальные акторы в экономических, политических и символических структурах общества» [8, с. 386]. Подобная пространственная организация общества формируется изменяющейся динамикой социальной структуры, в которой под воздействием сетевых и информационных технологий происходят реструктуризация и изменения формата труда и занятости в целом [9]. Принципиальный момент здесь заключается в утверждении определяющего статуса социальных практик и социальных действий, которые детерминируют содержательные аспекты времени и пространства. Ни первое, ни второе в контексте глобализирующейся социальной реальности не могут быть поняты без анализа новых социальных практик, логики организации труда, коммуникации. М. Кастельс пишет об ускорении времени в контексте сжатия временных потоков кругооборота капитала, от которого зависит возможность прибыли. Так, «один и тот же капитал движется туда и обратно между экономика-ми за период порядка нескольких часов, минут,

а иногда секунд... Именно скорость транзакций, иногда автоматически запрограммированных в компьютере для принятия квазимгновенных решений, есть фактор, определяющий выигрыш или потерю» [8, с. 404]. Время, а вернее, его ускорение — это фактор прибыльности финансовой системы, а потому время в сетевом обществе само становится капиталом, хотя сам капитал стремится освободиться от власти времени, от его сдерживающих свойств, вследствие чего Кастельс отмечает появление новой концепции темпоральности — концепции «вневременного времени». Последнее есть доминирующая форма социального времени в сетевом обществе, и характеризуется она избирательным включением и исключением людей из различных временных потоков. Это означает, что «сетевое общество пытается создать “вечную вселенную”, в которой временные ограничения будут все больше и больше сниматься» [10, с. 144].

Глобальные рынки капитала, управляемые электронно, требуют ускорения оборота ресурсов, при этом сетевое общество ориентировано на адаптивность времени или на возможность манипуляции с ним в зависимости от конкретных задач. Поэтому, как замечает Кастельс, управление сетевым производством «опирается на гибкую темпоральность, на способность ускорить или замедлить циклы производства и прибыли, на распределение времени, оборудования и персонала» [10, с. 407]. Время здесь как социальный феномен приобретает свое главное для сетевого общества свойство — гибкость, что позволяет сжимать и растягивать его, вырабатывая навыки менеджмента времени, руководствуясь при этом целью повышения производительности, эффективности труда. Происходит тотальная релятивизация времени: «Линейное, необратимое, измеримое, предсказуемое время дробится на куски в сетевом обществе, в движении, имеющем чрезвычайное историческое значение» [10, с. 402]. В результате появляется «вневременное время», которое обозначает гибкую темпоральную организацию сетевого общества. Одновременно с этим пространство потоков образует кибернетическое пространство, отличительной чертой которого становится его особенная темпоральность — *темпоральность моментального распространения* или *темпоральность синхронии*.

В новых условиях взаимодействие социальных систем в пространстве и времени усложняется под воздействием пространственно-временной компрессии, которая, по мнению Д. Харви, выступает основой глобализации и обусловлена рядом технологических и социальных революций XX в., которые привнесли в жизнь людей интенсификацию коммуникации, транспортных и финансовых по-

токов, трансформацию роли национального государства и гражданского общества. В совокупности эти тенденции привели к переходу от «старой» пространственно-временной «закрытой» социальной организации к новой — «открытой» [1, с. 40—41]. Небывало высокий уровень «компрессии пространства-времени» характеризует новую организацию социальных практик [11, с. 194].

Именно новый опыт пространства-времени является, по Харви, «средним термином», связывающим воедино экономические и культурные трансформации последних десятилетий (переход от «фордизма» к «гибкому накоплению» капитала, адекватному реалиям «дезорганизованного капитализма») и постмодернистские культурные формы, воплощающие новый тип чувствования и мышления. Д. Харви, один из самых видных представителей концепции пространственно-временной трансформации, утверждает, что время и пространство в условиях постмодерна претерпевают сжатие и сокращение: промежутки времени, необходимые для совершения интеракций неумолимо сокращаются, что, в свою очередь, ведет к сжатию географического расстояния между двумя точками в пространстве. В результате коммуникационные технологии и увеличение скорости транзакций соединяют воедино людей из разных континентов, разных статусов посредством того, что создается некий единый общий для всех синхронный поток пространства-времени [12]. По сути, речь идет о феномене «глобальной деревни» М. Маклюэна — это состояние, характеризующееся новой коммуникационной и культурной ситуацией, в которой пространство и время становятся условными, а земной шар превращается в единую связанную систему, управляемую медиа-технологиями [13].

Согласно Д. Хелду и его коллегам, трансформация социальной реальности в эпоху глобализации происходит по четырем основным направлениям: расширение социальных отношений в пространстве, повышение интенсивности процессов обмена (информацией, капиталом, ресурсами), увеличение скорости протекания глобальных потоков транзакций, взаимозависимость [13]. Очевидно, что множественные интерпретации пространственно-временной модификации современных обществ так или иначе отсылают к процессам сжатия, ускорения, релятивизации. Эта тема также четко прописана в рамках концепции Э. Гидденса, который представляет глобализацию как следствие прогрессирующей «дистанциации» повседневных социальных практик, т. е. «растягивания» их на все большие отрезки пространства-времени, в то время как взаимодействие «лицом к лицу» становится несущественным для выполнения интеракций [14].

Краткий перечень концепций, рассмотренных здесь, позволяет эксплицировать очевидную связь глобализации и глубокой трансформации повседневных практик с процессами трансформации времени и пространства. Несмотря на то что проблема нового образа пространства-времени в дискурсе глобализации находится в процессе конституализации, ее философско-методологический вектор все еще требует детальной разработки и концептуального оформления. Это связано в первую очередь с тем, что в общем дискурсе глобализации и информационного общества актуальный для исследования феномен социального пространства-времени не получает должного концептуального оформления, поскольку зачастую служит средством интуитивно-образного отражения новой социальной реальности. Положительный момент здесь заключается в том, что на этапе постановки проблемы попытка обрисовать образ пространства-времени в дискурсе глобализации является в парадигмальном отношении значимой предпосылкой для абстрагирования от «образного» дискурса глобализации и перехода на уровень философско-методологического анализа данной проблемы. Именно на этом этапе открываются возможности для самостоятельного исследования процессов трансформации социального пространства-времени и последующей экспликации характера, «духа» эпохи на основе не только образно-феноменологических и интуитивно-чувственных форм репрезентации указанной проблемы, но и на уровне системно-категориального ее осмысления. Исходя из сказанного можно утверждать, что новый образ пространства-времени в дискурсе глобализации связан с тенденцией синтетического восприятия сложных феноменов новой социальной реальности. Анализ нового образа социального пространства-времени позволяет проследить соотношение в нем категориально-феноменологических и системно-категориальных форм осмысления проблемы и зафиксировать возможные реперные точки перехода от репрезентации феномена социального пространства-времени

в форме образа к концепту, который подразумевает уже принципиально новую исследовательскую позицию и парадигмальные основания.

Список цитированных источников

1. *Кириянова, Л. Г.* Общество в контексте глобально-локальных отношений / Л. Г. Кириянова. — Томск, 2007.
2. *Бек, У.* Что такое глобализация? / У. Бек. — М., 2001.
3. *Маклюэн, М.* Понимание медиа: внешние расширения человека / М. Маклюэн. — М., 2003.
4. *Бауман, З.* Глобализация. Последствия для человека и общества / З. Бауман. — М., 2004.
5. *Sheppard, E.* The Spaces and Times of Globalization: Place, Scale, Networks, and Positionality / E. Sheppard // *Econ. Geography*. — 2002. — Vol. 78, № 3. — P. 307–330.
6. *Забелина, Е. В.* Психологическое время личности в условиях глобализации: постановка проблемы / Е. В. Забелина, М. Г. Смирнов, Ю. В. Честюнина // *Universum: Психология и образование: науч. журн.* [Электронный ресурс]. — № 9 (27). — 2016. — Режим доступа: <http://7universum.com/ru/psy/archive/item/3607>. — Дата доступа: 20.10.2016.
7. *Назарчук, А. В.* Социальное время и социальное пространство в концепции сетевого общества / А. В. Назарчук // *Вопр. философии*. — 2012. — № 9. — С. 56–66.
8. *Кастельс, М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс. — М., 2000.
9. *Delanty, G.* The Cosmopolitan Imagination: Critical Cosmopolitanism and Social Theory / G. Delanty // *The Brit. J. of Sociology*. — Vol. 57, Iss. 1. — 2006. — P. 25–47.
10. *Уэбстер, Ф.* Теории информационного общества / Ф. Уэбстер. — М., 2004.
11. *Crang, M.* Rhythms of the City. Temporalised Space and Motion / M. Crang // *Timespace Geographies of Temporality*. — London; New York, 2003. — P. 187–207.
12. *Harvey, D.* The Condition of Postmodernity. An Enquiry into the Origins of Cultural Change / D. Harvey. — Oxford, 1990.
13. *Global Transformations: Politics, Economics, and Culture* / D. Held [et al.]. — Cambridge, 1999.
14. *Giddens, A.* The Consequences of Modernity / A. Giddens. — Cambridge, 1990.

Дата поступления в редакцию: 03.11.2016 г.